

Фрауке
Шойнеманн

Приключения
КОТА-
детектива

Спасти
Одетту

Фрауке Шойнеманн
Спасти Одетту
Серия «Приключения
кота-детектива», книга 6

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48634635

Спасти Одетту / Фрауке Шойнеманн: Эксмо; Москва; 2019

ISBN 978-5-04-091690-0

Аннотация

Уинстон, его любимая Одетта и вся семья Киры отправились за город, чтобы отпраздновать важное и радостное событие – свадьбу Анны и Вернера! Но кто бы мог подумать, что усатому детективу не дадут отдохнуть и в этот раз. Одетту, бесстрашную и суперсмелую кошку, похитили! Ходят слухи, что виною тому мыши. Но как маленькие грызуны справились с кошкой? Кто-кто, а Уинстон Черчилль выяснит, в чём тут дело, – не будь он агентом на мягких лапах!

Содержание

Пролог, или Даже лучшие детективы порой теряют самообладание...	5
Полдюжины любви	8
Добро пожаловать к Шульце-Науманнам!	15
Не совсем пустое предостережение!	29
Старые знакомцы и новые проблемы	41
Загородная вечеринка таит в себе массу опасностей!	48
Тяжело в учении – легко в бою. Надеюсь!	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Фрауке Шойнеманн Спасти Одетту

Frauke Scheunemann

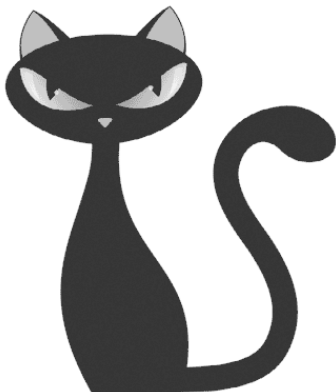
Winston – Lizenz zum Mäusejagen

© 2017 Loewe Verlag GmbH, Bindlach

© Торгашина Анна, перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2019

Пролог, или Даже лучшие детективы порой теряют самообладание...

– А ну иди сюда, ничтожный мелкий кот! Да я таких, как ты, каждый день на завтрак ем. И даже не наедаюсь!

Святые сардины в масле! Прямо передо мной на балке перекрытия сидело чудовище с горящими глазами ядовито-желтого цвета! Оно было просто огромным – минимум вдвое крупнее моего толстого друга Спайка и к тому же вдвое шире. Я кот далеко не робкого десятка, но тут даже у

меня вся шерсть встала дыбом – от ушей до самого кончика хвоста. Чудовище оскалило зубы, обнажив четыре огромных резца. Да уж, если такие пойдут в ход – никому мало не покажется. Я неуверенно отступил на шаг назад. Только бы не потерять равновесие! Ведь балка, на которой мы оба находились, была расположена в пяти метрах от пола, если не больше!

– Никак наделал в штаны от страха? – издевательски осведомилось чудовище. – И немудрено. Против меня у тебя нет ни единого шанса. Давай-ка лучше уноси отсюда лапы. Как можно быстрее и как можно дальше. Пока я не сделал из тебя фарш!

Звучит не очень. Хотя против фарша как такового я, конечно, ничего не имею! Когда наша экономка Анна подает мне к обеду изысканный тартар из говядины, приправленный щепоткой петрушки, я всеми лапами «за». Однако есть фарш – это одно, а быть им – совсем другое, и перспектива стать фрикаделькой мне отнюдь не улыбалась. Но удирать, поджав хвост?! Мне?! Уинстону Черчиллю?! Самому умному и смелому коту в мире?! Да ни за что!

– Хм, мне кажется, произошло какое-то недоразумение, уважаемый. Я вовсе не ищу ссоры – я ищу тут свою возлюбленную. Одетту. Необыкновенно красивую белую кошку. Не видели вы ее, случайно, где-нибудь?

Теперь пришла очередь чудовища отступить на шаг назад. Очевидно, ему нужно было подумать – а делать это, капая

слюной мне на нос, было не так уж удобно.

– Это такая жирная, длинношерстная, да? С одышкой? На каждом шагу задыхается?

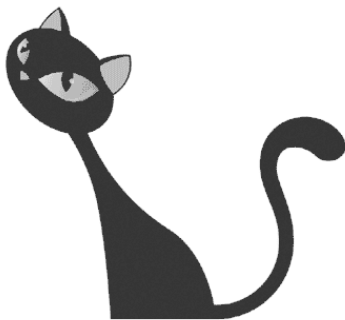
Святые сардины в масле! Как он смеет в таких выражениях говорить о моей Одетте?! Какая наглость! Да я за одно только это обязан вызвать его на дуэль. Ну ладно, допустим, она немного располнела в бедрах – так ведь на это есть причина! И эта причина – самая лучшая из всех возможных!

– Одетта не жирная. Она чудесная! – зашипел я на чудовище. – Так видел ты ее или нет? Отвечай давай, и поживее!

Но, вместо того чтобы ответить, чудовище вдруг сделало огромный прыжок вперед и с размаху заехало своей лапшей прямо по моему чувствительному носу. Боль пронзила все мое тело, я потерял равновесие и сорвался с деревянной балки. Еще падая, я заметил, как чудовище подало кому-то внизу какой-то знак. Потом в глазах у меня потемнело...

Полдюжины любви

– Вот, Кира, взгляни, тут хорошо видно, – с этими словами ветеринарный врач госпожа Вильмес повернула маленький телевизор экраном к нам с Кирой, продолжая при этом водить какой-то палочкой по брюшку Одетты.

– Раз, два, три, четыре... а вот и номер пять. В животе у Одетты барахтаются пятеро маленьких котят! – Тут она вдруг на секунду смолкла. – Ой, я вижу еще и шестого! Вот это выводок так выводок – мои поздравления!

Я недоверчиво уставился на экран телевизора, где шевелились какие-то серые пятна. Вот это вот и есть котята? Дети Одетты? *Мои* дети? А как они попали в телевизор? Я осторожно шагнул вперед и обнюхал экран. Доктор Вильмес рассмеелась:

– Что, Уинстон, удивлен, да? Становиться отцом – это, конечно, очень волнующе.

Отец. Как это звучит! Даже немного жутковато. Особенно учитывая, что я не имею об этом почти никакого представления.

Своего отца я никогда не встречал. Видел только фотографию – она была приколата на пробковой доске в доме у моего заводчика. Лерой оф Ривербэнкс-Малберри. Голубая кровь, чемпион породы «британская короткошерстная», серебристо-серый окрас и величественная осанка. Но был ли он хорошим отцом? Понятия не имею. В общем, мне однозначно не хватает образца для подражания.

Вернер Хагедорн, человек, с которым мы уже много лет живем вместе, тоже не отец, ведь у него нет детей. Впрочем, это не совсем верно. С нами уже довольно долго живут Кира и Анна. Кире тринадцать лет, и она моя лучшая подруга из всех людей, а ее мать Анна пришла к нам в дом в качестве экономки. Но вскоре Анна и Вернер полюбили друг друга и стали парой, а вместе с Кирой из них вышла семья. Так что, кажется, Вернер теперь стал для Киры кем-то вроде отца. Он помогает ей с домашними заданиями, подвозит ее до школы на машине в плохую погоду. Если Кира разбрасывает по дому вещи или, замешкавшись перед выходом, опаздывает к началу занятий, он ругает ее, в точности как Анна. А если ей вдруг случится не сделать уроки, он ее выгораживает и пишет учителям записки, изобретая оправдания. Например,

утверждает, что нечаянно положил тетрадку с Кириным домашним заданием в свой портфель и унес ее на работу, в университет. Вернер – профессор физики. На учителей это чаще всего производит сильное впечатление, так что они уже не жалуются Анне. Очень действенный трюк!

К чему это я? Ах да – об отцовстве. Наверное, хорошие отцы именно так и поступают: ругают тебя, когда ты натворишь дел, но все же не бросают в беде и помогают расхлебывать последствия. Таким отцом я и хочу быть для наших с Одеттой котят. Хотя они и не будут учиться ни в какой школе. Кроме школы жизни, разумеется!

– Как думаете, когда родятся котята? – спросил Вернер у доктора Вильмес. Она вновь взглянула на экран и на секунду задумалась.

– Хм, обычно беременность у кошек продолжается шестьдесят три дня. Я полагаю, котяткам нужна еще минимум неделя – а значит, к следующим выходным вам придется подготовить родильный ящик.

– К следующим выходным? Родильный ящик? – переспросил Вернер тоном, в котором слышалось что угодно, кроме воодушевления.

– Да, сегодня пятница, и я думаю, примерно дней через восемь ваша белая красавица произведет на свет потомство. И для будущей мамы с малышами лучше соорудить специальный родильный ящик, господин Хагедорн. самого простого будет достаточно.

– Черт! – пробурчал себе под нос Вернер.

– Что-что? – строго переспросила доктор Вильмес. – Вы что, не рады?

– Нет-нет, рад, конечно! – поспешил заверить ее Вернер. – Но дело в том, что в следующие выходные я женюсь и в это время буду даже не в Гамбурге, а в Люнебургской пустоши¹. Моя невеста подыскала для свадьбы замечательную загородную усадьбу.

Доктор Вильмес нахмурилась:

– Понимаю. Разумеется, рождение котят плохо вписывается в этот план. Как бы то ни было, не советую вам оставлять кошку совсем без присмотра. Конечно, большинство кошек рожают котят совершенно самостоятельно. Но лучше бы рядом все же был кто-нибудь – на случай, если что-то вдруг пойдет не так, – чтобы заметить это и позвать меня на помощь. Не собираюсь вас пугать, но вы ведь не хотите, чтобы с Одеттой или котятами случилось что-то плохое, а бросить их одних – это риск.

МУРРР-МЯУ!!! Нет, этого мы не хотим ни в коем случае! Я, разволновавшись, спрыгнул со стола и вцепился когтями в брюки Вернера.

– Ай, Уинстон! Ты что творишь?! Больно же! Плохой кот! – стал ругаться он.

– Почему это он плохой? – вступилась за меня Кира. – Он

¹ Люнебургская пустошь – живописная вересковая пустошь, расположенная на севере Германии. (Прим. ред.)

просто переживает за свою подругу Одетту! Это же логично.

Доктор Вильмес рассмеялась:

– Да, похоже, все именно так. Предлагаю поступить следующим образом: привезите будущую маму на выходные в кошачий пансион. Или в ветеринарную клинику. Тогда вы сможете спокойно праздновать свадьбу, а к вашему возвращению котята уже, наверное, появятся на свет.

Это самая ужасная идея, какую мне только доводилось слышать – клянусь любимой когтеточкой! Я не хочу бросать Одетту одну, но и пропускать свадьбу моего самого любимого в мире хозяина тоже не хочу. Это ведь, в конце концов, семейный праздник, он просто НЕ МОЖЕТ состояться без меня! Я яростно зашипел и с удвоенной силой вцепился в штаны Вернера.

– Ай-ай-ай! – воскликнул он и попытался высвободить ногу – разумеется, безуспешно, потому что в ответ я лишь глубже впился в нее когтями. – Уинстон! – взвыл он. – Да что же это такое, отпусти немедленно!

Даже не подумаю!

– Уинстон считает идею с пансионом дурацкой, – захихикала Кира. – Еще бы. Конечно, ему хочется, чтобы Одетта была с ним на свадьбе. Это же, в конце концов, семейный праздник.

Кира просто лучше всех! Она прямо-таки читает мои мысли. Что, впрочем, и неудивительно. Ведь наша дружба началась с того, что мы случайно поменялись телами. Да, все

верно! Она очутилась в моем теле и какое-то время жила кошачьей жизнью, а мне пришлось ходить в школу. Кошмарный опыт! Но зато я научился читать. Позже нам, к счастью, удалось вернуться в свои тела – но этот крайне полезный навык у меня остался.

Вернер взглянул на меня в задумчивости:

– Наверное, ты права, Кира. Доктор Вильмес, как вы думаете – можем мы взять Одетту с собой? В загородную усадьбу? Полагаю, родильный ящик, о котором вы только что говорили, там найдется.

Она кивнула:

– Конечно, почему нет? В конце концов, ведь и пансион для животных будет для Одетты незнакомым окружением. Важно лишь, чтобы у нее был уголок, где она сможет укрыться, и чтобы время от времени за ней приглядывал кто-то знакомый. Тогда все должно пройти как по маслу.

Вернер вздохнул:

– Вот только как я объясню это Анне? И бабушке? Думается мне, у них обеих очень четкие представления о том, как должна пройти свадьба, и кошачьи роды в эти представления никак не вписываются.

В этом он, пожалуй, был прав. Анна вот уже несколько недель подряд планировала главный праздник своей жизни. Повсюду в доме лежали журналы, со страниц которых счастливо улыбались парочки, покупка свадебного платья обернулась делом прямо-таки государственной важности, а прежде

чем остановить свой выбор на усадьбе в Люнебургской пустоши, Вернер с Анной осмотрели, наверное, пять тысяч других ресторанов и отелей. Ну ладно, может быть, их был всего десяток – но в любом случае много. Да и помощь бабушки ситуацию, конечно, совсем не упрощала: ведь она никогда не упускала случая высказать свое мнение по любому вопросу. Думаю, у моего бедного профессора в последнее время существенно прибавилось седых волос. И хоть он пока еще не совсем сравнялся мастью с моим благородным отцом Лероем оф Ривербэнкс-Малберри, но если дело пойдет так и дальше – вот-вот сравняется!

– Да ладно, Вернер, – успокоила его Кира, – надо просто поговорить с мамой. Уверена, она поймет. Она ведь души не чает в кошках. А насчет бабушки можно не волноваться – ее я беру на себя. Если я сама с ней поговорю, она наверняка не будет ворчать. Честное слово – все пройдет хорошо. И ваша свадьба, и рождение котят! С родильным ящиком или без него.

Моя Кира! У нее все под контролем.

Добро пожаловать к Шульце-Науманнам!

– А я сррразу сказала: бррррать с собой кошку – плохая идея! Лучше бы оставили ее в пансионе!

Всю поездку бабушка беспрестанно ругалась из-за того, что Одетту все-таки решено было взять с собой в Люнебургскую пустошь. Очевидно, Кирин дар убеждения не произвел на нее должного эффекта. Вернер, к счастью, не стал мастерить родильный ящик – в багажник тот, скорее всего, все равно бы не поместился. А так Одетта смогла удобно устроиться на заднем сиденье, где ее, правда, уже в самом нача-

ле поездки вырвало. Атмосферу это, конечно, не улучшило – но, позвольте, беременных ведь часто тошнит! Одетта в этом совершенно не виновата! Однако Кириной бабушке, казалось, не было до этого никакого дела. А ведь она должна бы знать, каково это – ведь у нее у самой есть дети.

Но бабушка ворчала, брюзжала и даже обращалась к Всевышнему с просьбой не дать этим неуместным кошачьим родам расстроить свадьбу ее любимой дочери. Вообще-то разговоры с небесной канцелярией больше по части Симоны. Сестра Вернера Хагедорна – пастор, она вечно консультируется с Господом по любому поводу и без. Но она, как и все остальные родственники, прибудет в Люнебургскую пустошь только после обеда – а если нам повезет, то и вечером.

Когда автомобиль Вернера наконец остановился и Кира открыла дверь, я тут же вперед всех выскочил наружу. Ни секунды больше я не мог выносить приторно-сладкого – неудивительно, что Одетту стошнило, – запаха бабушкиных духов и ее неумолчного ворчания. Снаружи я с облегчением глубоко вдохнул и... проклятая селедка, чем же это тут так воняет?!

От-вра-ти-тель-но!

А уж что за зрелище предстало нашим глазам! Справа от меня высилась куча еще теплого навоза, а прямо за ней – длинная конюшня, из которой с любопытством выглядывало множество лошадиных голов. Вдалеке я разглядел несколько обнесенных забором лужаек. И там тоже были лошади, мно-

го-много ЛОШАДЕЙ!

Бррр, да что же это такое?! Я ведь на дух не переношу лошадей. И уж тем более вонючий конский навоз. Кроме того, это место совершенно не подходит для великолепной свадьбы мечты. И уж тем более – для появления на свет шестерых породистых и наверняка ужасно симпатичных котят. Что подумают малыши, впервые оглядевшись вокруг? Что их родители не могли позволить себе жилья попримечнее? Нет уж, потомки Уинстона Черчилля, самого умного и смелого кота в мире, и очаровательнейшей и прекраснейшей Одетты достойны лучшего окружения.

Впрочем, ладно – основное здание усадьбы, вон там слева, вроде бы вполне ничего. И прилегающие к нему строения выглядят ухоженными и по-домашнему уютными, решил я. Вот только этот всепроникающий, густой, теплый, отвратительно-сладковатый запах навоза – святые сардины в масле! Это просто невыносимо!

Тем временем Кира вытащила Одетту с зад него сиденья, и они вместе принялись осматриваться во дворе. И, казалось, были весьма воодушевлены увиденным. Ну и ну, быть этого не может! Ведь Кира так далека от этого всего! Она городской ребенок. Настоящий цветок асфальта. Вонючий навоз, сено, солома, огромные лошадиные уши и выпученные глаза – это все просто не может прийтись по душе моей лучшей подруге.

И уж наверняка это все не может понравиться Одетте.

– Милая, – мяукнул я, – я и сам в ужасе от места, в котором мы очутились. Поверь мне.

Я бы очень хотел пообещать ей, что мы сию же секунду развернемся и отправимся в обратный путь. Вот только боялся, что без самоходной тележки Вернера дорога для моей возлюбленной окажется слишком дальней.

А судя по сиявшим на лицах Анны и Вернера улыбкам, им тут действительно нравилось. Да неужто они совсем ослепли?! Они что, не чувят эту вонь? О чем только эти двое думали, когда решили провести в таком месте день, который вообще-то должен стать самым прекрасным в их жизни?

– Уинстон, не переживай, пожалуйста, мне тут очень нравится. Свежий воздух, природа, простор и зелень. Лучшее место для появления на свет наших детей просто не придумать.

Ну, тут все ясно: взгляд Одетты затуманили гормоны беременности. Иначе она пришла бы в такой же ужас, что и я. Но с нашими малышами в животе она словно бы смотрит на мир сквозь розовые очки. Ничем больше сияние ее глаз и мягкую улыбку в уголках рта я объяснить не мог.

А теперь она еще и спрыгнула у Киры с рук. И Кира беспрепятственно ее отпустила. Что?! Кира! Не будешь ли ты так добра поднять ее обратно? Эта грязная пыль под белоснежными лапками – просто неприемлемо!

Но Кира, похоже, витала где-то в облаках. Она все еще восхищенно оглядывалась по сторонам, совершенно выпустив Одетту из внимания. А потом вдобавок ко всему при-

нялась щебетать тоном, которого я до сих пор еще ни разу у нее не слышал:

– Ах, как же тут хорошо, как же хорошо! И все эти пони и лошадки – я от них просто без ума!

Клянусь своей когтеточкой, это уже внушает страх! Что за дух вселился в мою Киру?!

В то время как Одетта направилась к огромному круглому тюку соломы, стоящему у края какого-то сарая, Кира продолжала радостно чирикать:

– Вернер, как ты думаешь, я ведь смогу покататься тут на лошадке?

Я просто разрывался, не в силах решить, что сделать в первую очередь. Убедить Одетту не лезть на этот пыльный и наверняка ужасно колючий соломенный шар – или отговорить Киру от идеи заняться верховой ездой?

Одетта приняла решение за меня, с удивительной при ее объеме живота легкостью и грацией запрыгнув на тюк. Вернер же пообещал, что чуть позже спросит господина Шульце-Науманна, можно ли тут покататься на лошади. Для меня это означало вот что: во-первых, Одетта вновь поступила по-своему, а во-вторых, у меня еще есть в запасе немного времени, чтобы предупредить Киру о страшных опасностях, гарантированно поджидающих всякого, кто решит взгромоздиться на спину этих лохматых тварей.

– Одетта, умоляю тебя, спускайся! Кто знает, что может скрываться там в пыльной соломе. Клещи, блохи, комары...

и уж наверняка ничего хорошего для тебя и наших малышей.

Но Одетта в ответ лишь вяло отмахнулась:

– Уинстон, прекрати! Тут наверху просто замечательно. Веет легкий теплый ветерок, солома мягкая и приятная. Кроме того, поездка немного меня утомила, а здесь можно прекрасно отдохнуть. Пожалуйста, будь так добр – дай мне немного побыть в тишине и покое.

Мяв! Я был совершенно с этим не согласен. Но Одетта не только несказанно прекрасна – порой она бывает еще и несказанно упрямой. Я мог бы хоть из шкуры вон вылезти, но, раз она решила, что ей там, наверху, хорошо, ее не переубедить. Что поделать – она такая, такой я ее и люблю. Хотя порой, когда она никак не хочет признавать мою правоту, и приходится нелегко. Несмотря на это, я бесконечно счастлив, что мы наконец-то настоящая пара и вот-вот станем родителями. Ведь Одетта отдала мне свое сердце далеко не сразу. Поначалу она считала меня трусливым квартирным котом, да и попросту слабаком. К счастью, проявленное мной в роли супердетектива бесстрашие помогло убедить ее, что на самом деле я кот мирового класса! Нам с Кирой удалось упрятать за решетку по меньшей мере пятерых преступников, с блеском раскрыв дела, которые, несомненно, поставили бы в тупик полицию!

Я решил сидеть под тюком, чтобы защищать Одетту от опасностей, подстерегавших ее в диких пампасах Люнебургской пустоши. Но и это пришлось ей не по нраву:

– Иди прогуляйся, Уинстон, пожалуйста. Я не могу расслабиться, когда ты сидишь тут внизу и все время на меня пялишься, задрав голову.

Святые сардины в масле, ну почему Одетта так упорствует в своем неблагоразумии?! Впрочем, что поделаешь, не ссориться же с ней. Тем более что доктор Вильмес говорила, что кошкам на сносях вредно волноваться.

Лишь это последнее соображение заставило меня сдать позицию. Разумеется, отступил я не слишком далеко, а лишь настолько, чтобы не упускать из поля зрения тюк соломы с Одеттой наверху.

Я поплелся вдоль длинного здания конюшни, и тут меня внезапно нагнала Кира:

– Что, Уинстон, тоже решил осмотреться на местности? Я вообще-то должна сейчас помогать выгружать вещи из машины. Но Вернер с мамой и бабушкой пошли получить у администратора ключи, чтобы заселиться в номера. А я воспользовалась моментом и смылась! – Она заговорщицки ухмыльнулась. Я едва узнавал свою Киру – она была словно не в себе. На лице ее блуждала блаженная улыбка, и голос снова показался мне каким-то совсем чужим. Чересчур возбужденным. – Ох, Уинстон, – счастливо выдохнула она. – Я же всю свою жизнь мечтала оказаться на конном дворе, где держат пони! И как же здорово, что Одетта родит деток здесь, на свежем воздухе, на природе!

Я уставился на Киру. Свежий воздух? Что-что? Да здесь

же адски воняет. Отвратительно. А эта самая природа таит в себе тысячу опасностей: тут тебе и мошки, и кузнечики, и черви, и пчелы, и комары – да-да, здесь же наверняка никуда не скрыться от комариной напасти.

Я мяукнул, вложив в голос как можно больше упрека, но Кира на меня уже не смотрела – мысли ее были заняты другим.

– Ой, смотри, Уинстон, какой хорошенький черный пони в паддоке² прямо перед нами – никогда еще таких не видела, а ты?! – Не успел я посоветовать ей держаться от черного чудовища подальше, как она уже просунула руку за забор и потрогала мохнатое существо за белый нос: – Привет, это кто у нас тут такой? Меня зовут Кира, и я только что влюбилась без памяти.

Кира рассмеялась как-то уж слишком для нее звонко и заливисто, а мохнатый зверь, фыркнув в ответ, забрызгал все вокруг бесчисленными капельками слюны.

ФУ! ОТВРАТИТЕЛЬНО! ФУУУУ!

Кира все еще смеялась, а я впервые с момента нашего знакомства всерьез засомневался в ее трезвом рассудке.

Кира – крутая девчонка с очень острым умом. И к тому же настоящий супердетектив! Никогда бы не подумал, что она способна прийти в такой восторг при виде какого-то лохма-

² Паддок – огороженная открытая или с навесом площадка, примыкающая к конюшне, предназначенная для содержания лошадей на открытом воздухе; загон. (Здесь и далее прим. пер.)

того слюнявого чудища.

Но и это еще был не конец. Гигантская белоснежная лошадь, с головой огромной, как у слона (ну ладно-ладно, если начистоту, настоящего слона я никогда не видел – разве что по телевизору), рысью выбежала из стойла без дверей и остановилась у забора рядом с черным пони.

– О, привет, – поздоровалась Кира с белым привидением и потрепала его по огромной морде. – А ты кто такой?

– Валли! – раздался вдруг чей-то голос.

В первый момент я уж было решил, что лошадь умеет говорить. Безумная мысль, знаю. Но когда судьба забрасывает тебя из приличного гамбургского дома в вонючее захолустье, от шока в голову порой приходят странные мысли.

Но нет – голос принадлежал мальчику, который словно из ниоткуда возник рядом с Кирой и теперь приветливо улыбался. Потом он протянул ей руку и объяснил:

– Кстати, меня, зовут Лукас Шульце-Науманн. А того черненького – Булли.

Кира странно захихикала и тоже протянула руку:

– О, Булли, надо же – какое забавное имя для пони. Ах да, меня зовут Кира. Моя мама в эти выходные выходит замуж, и свадьба пройдет здесь, в усадьбе.

Лукас кивнул:

– Я так и подумал. Что ты приехала сюда на свадьбу, я имею в виду. Ты любишь лошадей? – Кира не успела еще ничего ответить, как он покачал головой и тут же продолжил: –

Что за глупый вопрос. Конечно, ты любишь лошадей. Иначе вряд ли стала бы стоять возле паддока с Булли и Валли.

Кира рассмеялась – вновь очень звонко и несколько пискляво. Ох, да что же такое творится с моей Кирой?!

– Я просто без ума от лошадей, – объяснила она, и тут я всерьез забеспокоился, в добром ли она здравии. Раньше я ничего об этом не знал. Ну и дела, вот это новость. – Правда, у нас в Гамбурге пони и лошади встречаются довольно редко. По крайней мере в том районе, где я живу. Но я всегда, сколько себя помню, мечтала прокатиться верхом.

Лукас явно обрадовался признанию Киры, потому что тут же предложил:

– Если хочешь, могу чуть позже дать тебе урок верховой езды. У нас есть парочка очень послушных учебных пони и лошадок.

Глаза Киры вспыхнули словно бенгальские огни:

– Правда?! Ты это сделаешь?! Ух, это... это было бы просто превосходно!

Лукас кивнул, и Кира спросила:

– А Булли тоже учебный пони? Нельзя ли мне прокатиться на нем?

Но тут ответ был отрицательным:

– Нет, к сожалению, не выйдет. Он позволяет на себе ездить только дочке соседа – Лине. Да и учебным пони он никогда не был. Булли – настоящий чемпион. Он даже несколько раз принимал участие в чемпионате страны.

– Ох, – глаза Киры округлились от удивления. А я страшно обрадовался, что ей не разрешили кататься на этом черном как ночь пони. Он мне показался каким-то жутковатым.

Каким-то жутковатым, в придачу ко всему, показался мне и шорох, который я уловил левым ухом. Как будто что-то где-то заскреблось – или скорее зашелестело. А точнее – едва слышно затопало, перебирая множеством крошечных лапок.

Очень странно!

Шорох раздавался из большого зала, над входом в который большими черными буквами было написано «МАНЕЖ».

Кира с головой погрузилась в совершенно неинтересный разговор о лошадях с этим Лукасом, а я тем временем решил отлучиться и пойти на шорох.

Уходя, я еще услышал, как Лукас спросил:

– Кстати, а что это за кот, он твой? И он вот так ходит с тобой повсюду, как собака без поводка?

Собака без поводка?! Алло! Он вообще в своем уме?! Я породистый кот благородного происхождения, и сравнивать меня с какой-то там банальной собакой считаю недопустимым.

– И да, и нет. Это Уинстон, но он не мой кот, а Вернера Хагедорна. Вернер – будущий муж моей мамы, то есть без пяти минут мой отчим. То есть, выходит, Уинстон вскоре станет и моим котом... – Тут Кира ненадолго смолкла, а по-

том добавила: – Хотя вообще-то Уинстон свой собственный, и ничей больше. Он живет с нами, и он мой друг. Да, пожалуйста, сказать так будет правильнее всего.

Осторожно ступая, я двинулся в сторону манежа. Слева и справа узкую песчаную дорожку окружали покрытые буйной цветочной растительностью клумбы. Дверь была приоткрыта. Я проскользнул в щель. Внутри меня сразу обдало прохладой, а в нос ударил запах кожи. И сырой земли. Все вместе, как-то вперемешку.

Я принялся было осматриваться – и тут же отскочил назад. Замешкавшись на мгновение, я неминуемо угодил бы под копыта совершенно беспардонной гнедой лошади, которая с оглушительным топотом скакала по залу диким галопом. Сидящая верхом на ней девушка не выглядела очень счастливой. Я не слишком много понимаю в лошадях, да и совершенно не желаю в них разбираться. Но в чем я спец, так это в гримасах ужаса – и на морде этой клячи, готов поклясться, читался самый настоящий испуг.

Я понял, что девушке не удержаться в седле. Гнедая лошадь не просто носилась по кругу – она при этом еще и неистово брыкалась.

Попытаться остановить лошадь, бросившись ей под копыта, и обречь себя на верную смерть было бы хоть и храбро, но глупо. Я ведь готовился стать отцом, и пропускать этот волшебный момент в мои планы совсем не входило. Кроме того, гнедая в припадке безрассудства, пожалуй, и не обра-

тила бы на этот самоотверженный поступок ни малейшего внимания. Оставалось лишь позвать на помощь Киру и этого Лукаса. Поэтому я побежал за ними.

Кира и Лукас все еще болтали, стоя рядом с Булли и Валли. Я потерял о ноги Киры, мяукая так тревожно, как только мог, и бросился обратно в сторону зала. Кира, конечно, на лету схватила что от нее требуется и побежала за мной. Лукас тоже. Но он, думаю, просто последовал примеру Киры.

Мы ворвались в манеж в тот самый момент, когда гнедая на полном ходу затормозила – девушка вылетела из седла, как на реактивной тяге, и, просвистев над головой лошади, приземлилась на пятую точку. Гнедая остановилась рядом и притихла. Я и мухи не обижу, как бы говорила она всем своим видом.

– Катя, боже мой, ты ничего себе не сломала?! Может быть, сбегать за врачом? – взволнованно воскликнул Лукас, выбежав на дорожку для верховой езды.

Девушка покачала головой, и Лукас помог ей подняться на ноги.

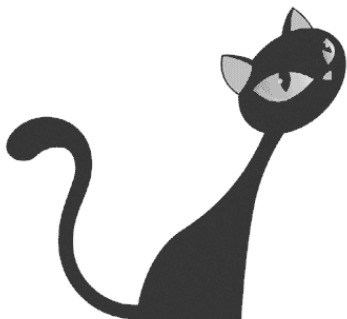
– Нет-нет, все в порядке. Не знаю, что это вдруг нашло на Рико. Заметил что-то у бортика манежа и пустился в галоп, словно обезумев.

Святые сардины в масле, что-то тут нечисто – как всегда, подсказало мне кошачье чутье! Это что же получается: нечто, напугавшее – или некто, напугавший – лошадь, и есть источник того странного шороха, что я слышал?

Весьма подозрительно, весьма подозрительно.

Не совсем пустое предостережение!

Так я и знал – этим косматым чудовищам доверять нельзя. Чуть зашуршало или зашелестело в соломе – и вот уже огромное хвостатое существо вскидывается как ужаленное и несется куда глаза глядят. Хоп! – и незадачливый наездник вроде этой Кати, не успев и глазом моргнуть, вылетает из седла и приземляется на пятую точку прямо посреди дорожки, где его, того и гляди, затопчут другие копытоносцы.

Очень надеюсь, недавнее происшествие убедило Киру, что от этих непредсказуемых животных лучше держаться подальше. Я же просто лишний раз утвердился во мнении: лошади – источник повышенной опасности.

Тем не менее я не был бы Уинстоном Черчиллем, сыном достопочтенного кота Лероя оф Ривербэнкс-Малберри, если бы бросил дело на полпути. Детективное чутье подсказывало: тот шорох, что послышался мне парой минут раньше, был неспроста. К тому же, по словам Кати, она заметила какую-то странную тень за секунду до того, как пугливый Рико пустился в бешеный галоп.

Клянусь своей когтеточкой, тут дело нечисто! И свидетельство очевидца убедительно это доказывает.

Лукас и Кира покинули манеж в компании Кати, которая шла странной походкой, расставив ноги колесом, и ее дикого скакуна Рико, все еще тяжело дышавшего от волнения. Я же решил задержаться и хорошенько осмотреться на месте. Как знать, как знать, возможно, злоумышленник был неосторожен и оставил следы. Так что я стал осторожно пробираться вдоль бортика манежа, обращая внимание на многочисленные запахи. Некоторые казались мне весьма подозрительными, потому что были совершенно незнакомы. Но будучи умудренным опытом котом, я быстро сообразил, что имею дело с пахучими метками различных особей одного со мной вида – впрочем, разумеется, далеко не столь благородного происхождения.

Котов тут, очевидно, водилось в избытке – этот факт сомнению не подлежал. Но неужели злоумышленником мог оказаться один из моих сородичей? Хм... Честно говоря, я с трудом мог себе такое представить. К тому же шорох был

совершенно нетипичным для кошки и, кроме того...

– Эй, ты чего это тут отираешься, а? – буркнул вдруг кто-то, резко прервав ход моих мыслей.

Я изящно обернулся и скользнул взглядом направо вверх – туда, откуда раздавалось ворчание. На бортике сидел толстый серый кот, очевидно, мало значения придававший собственной внешности. Шерсть его свалялась, кое-где образовались настоящие колтуны. Левое ухо стояло торчком, в то время как правое было как-то странно заломлено и, кажется, вообще частично отсутствовало.

– Добрый день, меня зовут Уинстон Черчилль, – представился я дружелюбно, однако тоном, ненавязчиво устанавливающим дистанцию между мной – городским жителем – и собеседником.

Серый неряха прищурился.

– Ты не ответил на мой вопрос, – прошипел он.

– Зато не нарушил правила приличия, – парировал я.

– Чего? – выдавил из себя Серый.

Боже мой, я хоть и догадывался, что от здешних кошек, обитающих среди навозных куч в сельском захолустье, не стоит ожидать слишком многого – но к такой простоте, граничащей с откровенной глупостью, все же оказался не готов.

– Как бы то ни было, – продолжил я подчеркнуто деловым тоном, – не замечал ли ты тут недавно чего-нибудь необычного? Не слыхал ли странного шороха? Не видал ли какой-нибудь необычной тени – или, чем черт не шутит, то-

го, кто ее отбрасывал?

Серый вытаращился на меня так, словно посреди моего благородного кошачьего лба вдруг вырос рог:

– Тебя что, трактором переехало, что ли? Чего это ты так напыщенно выражаешься?

У него еще хватает наглости меня оскорблять!

Взвесив все «за» и «против», я решил холодно удалиться, не удостоив невежественного деревенского кота ответом, и вновь полностью сосредоточиться на расследовании. Что толку расспрашивать этого неотесанного типа дальше? Даже и заметь он что-то, все равно бы ведь ничего не понял. Вероятно, многолетнее воздействие вони от навозных куч нанесло непоправимый урон его обонянию и инстинктам.

– Я, кстати, все еще жду ответа на свой вопрос, приятель, – утробно прорычал он.

Стоит ли объяснить ему, что никакие мы с ним не приятели? И через тысячу лет не будем. Ай, да ну его – только время зря тратить, решил я.

– Как уже было упомянуто ранее, меня зовут Уинстон Черчилль. Я вместе с семьей приехал на выходные в усадьбу семьи Шульце-Науманн. Профессор Вернер Хагедорн собирается вступить в брак со своей очаровательной невестой Анной Коваленко, по какому случаю и устраивает здесь праздник. В общем, в этом имении я гость, и беседовать с тобой мне совершенно недосуг.

Ну вот, куда уж яснее – теперь до него наверняка дойдет,

подумал я и отвернулся от Серого. Кроме того, я решил временно приостановить свои изыскания. След все равно уже остыл, да и этот серый толстяк не сводил с меня своих глуповатых глаз, так и сверлил взглядом – разве в таких условиях сосредоточишься на важном?

– Ты куда? – крикнул Серый мне вслед, когда я направился к выходу из манежа. Это его, конечно, совершенно не касалось – но я, будучи вежливым котом с превосходными манерами, все же на секунду задержался у двери.

– Тут для меня темновато. Поэтому я собираюсь пойти к семье и осмотреть номер, в котором нас разместили.

А то ведь Серый, чего доброго, еще возомнит, что я в этой вонючей деревне, подобно ему, буду ночевать в каком-нибудь пыльном стойле или на кишасе пауками чердаке сарая.

Покачав головой, Серый едко промяукал:

– Ты, конечно, тот еще хлыщ, настоящий городской недопепа и зазнайка, но у нас, деревенских кошек, принято держаться своих и помогать друг другу. Так что, хлыщ, раскрой-ка свои уши пошире и слушай, что я тебе скажу. В округе с недавних пор орудует охотник на кошек. Мы кое-кого подозреваем, но убедительных доказательств пока нет. Так что ступай-ка ты к своим людям, наверняка таким же прилизанным и надменным, как ты сам, и не высовывай носа с дивана, если не хочешь невзначай лишиться наманикюренного когтя, а то и одной из девяти твоих кошачьих жизней.

Сказав это, он словно испарился – а я на мгновение застыл в полном изумлении. Определенно не от страха и не потому, что вся эта речь с угрозами произвела на меня хоть какое-то впечатление. Нет, я на секунду остолбенел, словно пораженный молнией, от мысли, что моя любимая Одетта лежит там совсем одна на соломенном тюке, в то время как я тут взялся расследовать дело, которое меня в общем-то совершенно не касается. Какая мне разница, что там напугало этого Рико.

В ту же секунду я выбежал из манежа и молниеносно пересек двор, краем глаза успев заметить, что к Лукасу и Кире присоединилась еще одна девочка. Они втроем стояли возле паддока этого Булли и его приятеля Валли и о чем-то беседовали. Кира сияла такой счастливой улыбкой, словно находилась не в конюшне, а посреди райского сада. Видимо, тема верховой езды все еще себя не исчерпала – догадался я. Но в тот момент я никак не мог этим заняться. Да и пока она не вдела ногу в стремя, еще можно улучшить момент и попытаться раз и навсегда отговорить ее от этой затеи.

Сейчас же мне первым делом нужно было добраться до Одетты и обеспечить ее безопасность. Хоть я и не принял слова серого толстяка всерьез, но рисковать все же было ни к чему!

– Одетта, привет, как ты, Одетта... и как там наши малыши? Все в порядке? – издалека принялся кричать я в сторону соломенного тюка.

Но напрасно. Тишина была мне ответом.

От тревоги у меня бешено забилося сердце и засосало под ложечкой. Только бы ничего не случилось!

Святые сардины в масле, ну зачем я оставил ее одну! Как я мог?! От досады я готов был впиться зубами в кончик своего хвоста.

Не мешкая ни секунды, я запрыгнул на тюк и – о счастье! – сразу обнаружил мою прекрасную Одетту. Она лежала там, свернувшись клубочком, и спала. Мордочка ее выражала полную безмятежность. Если глаза мне не лгали, она даже улыбалась во сне. Наверное, ей снился я или шестеро наших деток, которые вот-вот увидят свет.

Я осторожно уселся рядом с ней и решил, что с этих пор ни на секунду не выпущу ее из виду. Ведь если хорошенько подумать, тот странный звук был похож на щелчок охотничьего ружья. Как будто его перезаряжали. Клац-клац!

Ладно-ладно, положим, я не так уж часто слышал, как перезаряжают охотничье ружье. А если уж совсем начистоту, никогда не слышал. Но я ведь не лишен воображения и вполне могу представить, как это звучит.

– Уинстон? – раздался заспанный шепот рядом со мной. – Ты уже давно тут сидишь?

Одетта сладко потянулась. Она все еще была несколько вялой, но уже заметно отдохнувшей – это читалось в ее глазах.

– Не очень, любимая, не очень, – откликнулся я.

Она потянулась ко мне своей бархатной лапкой:

– Но ты не должен охранять мой сон.

Сказать ли ей, что еще как должен? Нет, я не могу и не хочу заставить ее волноваться. Пусть Одетта в полном спокойствии готовится к рождению наших малышей – и не где попало, а в надежном месте, решил я.

– Одетта, раз ты уже совсем проснулась и немного отдохнула с дороги, пойдем со мной в дом, пожалуйста. Вернер с Анной уже наверняка получили ключ от номера, и мы можем устроиться в Кириной комнате.

Я поднялся с места, предполагая, что Одетта поступит так же, но она мяукнула:

– Нет, Уинстон, правда нет. Я хочу побыть на свежем воздухе. Необязательно оставаться тут, на этом тюке соломы, но в дом я точно не хочу.

Тут меня пронзил самый настоящий ужас:

– Но... но, Одетта, ты ведь это не всерьез?

Одетта взглянула на меня и прямодушно ответила:

– Еще как всерьез, Уинстон. Мне ужасно нравится мысль, что наши малыши появятся на свет на природе, где-нибудь тут, в соломе. На воле.

Я покачал головой:

– Нет! Ты... ты просто не знаешь, что за сброд ошивается тут повсюду. Да и Кире это совершенно не понравится. И Вернеру. А уж как это не нравится мне! Нет, Одетта, пойдем все же в дом, пожалуйста.

Тут Одетта поднялась и спрыгнула вниз. Но вовсе не для

того, чтобы благоразумно последовать за мной в сторону усадебного дома и граничащих с ним гостевых домиков. Она повернула направо и двинулась напрямик к ближайшему сараю, дверь в который была приоткрыта.

– Одетта! – обеспокоенно воскликнул я. – Что это ты задумала? Куда собралась?

– Я ведь только что все тебе объяснила, Уинстон, – упрямо ответила она. – Малыши вот-вот появятся на свет – уверена, чутье меня не подводит. Поэтому я пойду и подыщу себе тихое уютное местечко.

– Но...

– Никаких «но», Уинстон, – отрезала она.

В следующий момент она уже ловко взбиралась по лестнице – и это с ее-то внушительным животом!

Мне ничего не оставалось, кроме как последовать за ней.

– Ах, как же тут наверху сумасшедше красиво, правда? – мечтательно сказала она.

Я осмотрелся по сторонам. Мы стояли под крышей сарая, где хранилась солома. Помещение было довольно просторным и не слишком загроможденным – лишь в углу стояло несколько небольших соломенных тюков. Весь пол под нашими лапами тоже был устлан соломой.

Воздух тут был густой, теплый и пыльный. Я догадывался, что мне не уговорить Одетту пойти со мной в дом. Можно было не тратить слов попусту. Поэтому я решил хотя бы подыскать для нее более или менее безопасное место в каче-

стве запасного варианта. Позже я заману сюда Киру, и мы еще успеем вовремя переправить Одетту в жилое помещение – таков был мой новый план, наспех разработанный в чрезвычайной ситуации.

Вскоре такое укромное местечко нашлось. Небольшое возвышение между двумя тюками соломы, спрятанное от посторонних глаз, в то же время могло служить отличным наблюдательным пунктом, потому что оттуда открывался обзор на все помещение. Одетте оно тоже сразу понравилось – тут она проявила редкую в последнее время сговорчивость.

– О да, здесь просто чудесно, – согласилась Одетта, поудобнее устраиваясь в соломе.

Я улегся рядом, и она опустила голову рядом со мной.

– Скоро мы станем родителями, Уинстон... – прошептала она, и голос ее был полон любви. – Я очень надеюсь, что мы будем хорошими мамой и папой. И еще больше надеюсь, что мы сможем остаться вместе и жить одной семьей.

Я, конечно, тоже на это надеялся. И готов был приложить к этому все усилия. Но у детей, как известно, своя голова на плечах – кто знает, возможно, они не захотят навечно остаться в квартире Вернера.

– Посмотрим, Одетта, кто знает, как все сложится – но я

буду стараться изо всех сил, обещаю.

– Знаю, Уинстон, конечно, знаю, – мягко улыбнулась мне Одетта. Ее взгляд вновь затуманился, и она от всей души зевнула. – Я, наверное, еще немного вздремну. От свежего деревенского воздуха меня так и клонит в сон...

С этими словами Одетта вновь унеслась в страну грез, а я тихонько спустился с крыши сарая. Нужно было улучшить момент и сходить за Кирой. Пусть она мягко и бережно, но как можно скорее отнесет Одетту в арендованное Вернером на время каникул жилье, где моя самая любимая в мире кошка сможет в покое и безопасности произвести на свет наших малышей.

Но когда я спустился во двор, Киры там не было. Вместо этого на территорию усадьбы одна за другой въехали две машины. И в следующую секунду деревенской тишине пришел конец.

– Ах, ну разве тут не здорово?! Просто замечательно! Лучшего места для свадьбы и представить себе нельзя! – принялась источать восторг сестра Вернера Симона.

Однако Беата, которая высадилась из другого автомобиля, ее восторга отнюдь не разделяла.

– Что? Здорово? Замечательно? Да здесь воняет, к тому же оглянуться не успеешь, как нас с головы до ног искусают комары. Не понимаю, как Вернеру могла прийти в голову сумасбродная идея жениться в этой глуши! А влажность-то здесь какая – для моей прически это губительно! Кошмар,

просто кошмар!

Проклятая скумбрия, никогда бы не подумал, что мы с ужасной Беатой можем сойтись во мнениях. Готов подписаться под каждым словом – исключая разве что пассаж про прическу! Что дальше – станем с ней лучшими друзьями?

Но тут мои размышления были прерваны: во двор, громко сигналя, въехал еще один автомобиль. Точнее – грузовичок. Довольно крупный, выдавший виды и определенно откуда-то мне знакомый.

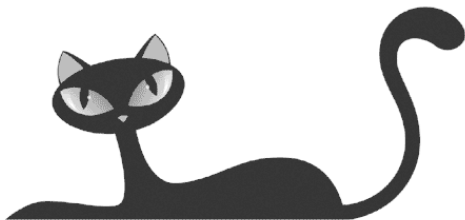
Пока я раздумывал, где же я мог сталкиваться с этим транспортным средством ранее, водитель, энергично покрутив ручку на дверце, открыл окно и радостно всех поприветствовал:

– *Бон джорно, и мэи амичи!* Здравствуйтесь, друзья мои! Что за прекрасный гостиница!

Да быть этого не может! К нам прибыл сам цирковой директор Балотелли!

Старые знакомцы и новые проблемы

Синьор Балотелли! Это и впрямь был он! Я замер, не веря своим глазам. Сперва из водительской кабины вылез сам Балотелли, затем он открыл кузов, и оттуда один за другим по-выскакивали мои друзья из циркового шоу луна-парка: умная коза О'Нелли, сообразительная обезьянка Флойд, Ромео и Джульетта – говорящие попугаи, а в самом конце – собаки Пат и Паташон, которые, завидев меня, зашлись в счастливом лае. Разрази меня гром, вот это сюрприз!

– А вы тут какими судьбами?! – налетел я на О'Нелли с расспросами.

Коза внимательно уставилась на меня.

– Разве так принято приветствовать старых друзей? Наверное, следовало прежде всего сказать «*добрый день*»! – укоризненно проблеяла она.

Ох, как же я мог забыть! О’Нелли очень большое значение придает обходительности и манерам. Я вообще-то тоже – поэтому мы с ирландской козой довольно быстро сдружились, когда во время прошлого расследования я, отправившись с семьей на каникулы, по странному стечению обстоятельств очутился в цирке Балотелли и даже попробовал себя в амплу артиста³.

Так что я отступил на шаг назад, поклонился и учтиво промяукал:

– Добрый день, достопочтеннейшая! Я очень рад видеть всех вас снова.

Снова бляение, но на этот раз уже веселое:

– *All right*, хорошо, дорогой Уинстон! А уж как мы рады, ты бы только знал!

Флойд и собаки тоже прыгали от восторга. Труппа и впрямь пребывала в прекрасном расположении духа! Приглядевшись повнимательнее, я обнаружил, что в ней не хватало лишь одного артиста – а именно черного кота Бартоломео, с которым мы похожи как две капли воды – случилось даже, что меня принимали за него.

– А куда делся Бартоломео?

– *Oh, good old black cat*, старый добрый черный кот не в лучшей форме. В последнее время чересчур налегал на кошачий корм. Поэтому ему пришлось остаться *at home*, дома, на щадящей диете.

³ Читай об этом приключении Уинстона в книге «Сыщик на арене».

– М-да, тогда у меня остался лишь один вопрос: а почему вы сегодня здесь? Разве вам не нужно выступать в парке?

Коза склонила голову набок:

– Нет! Думаю, нет. Балотелли отменил представления в эти выходные. Из-за свадьбы. Это ведь важное семейное событие, нужно выступить на празднике в честь новобрачных!

– Вы будете выступать на свадьбе?! – изумленно переспросил я.

– *Exactly!* Именно! Это подарок директора Балотелли семье глубокоуважаемой бабушки!

Ага! Вот откуда ветер дует! Еще во время нашей поездки в луна-парк я заметил, что Балотелли положил глаз на Кирину бабушку. И в самом деле – в последние месяцы та подозрительно часто уезжала куда-то на выходные одна, без нас. А ведь она терпеть не может оставлять Вернера, Анну и прежде всего Киру без присмотра – переживает, что без нее они могут натворить каких-нибудь глупостей.

Беата подошла поближе. При виде цирковых зверей она просто остолбенела, даже переживания об испорченной прищеске отошли на второй план.

– Так, а ну-ка послушайте! – накинулась она на Балотелли, придя в себя. – С какой стати вы приволокли сюда свое зверье?! Вы что, не видите, что здесь должно пройти закрытое мероприятие? Загружайте скотину обратно в кузов и проваливайте!

– Беата, зачем ты нападаешь на этого несчастного! – под-

бежав, включилась в разговор Симона, которую возмутило поведение невестки.

Синьор Балотелли, зажатый между дамами, молчал, пребывая в легком замешательстве. Беата, прищурившись, смерила Симону взглядом:

– Ну извини! Но мы ведь не допустим, чтобы всякие проходимцы устраивали тут балаган и портили свадьбу твоего брата!

– Но, может быть, этот господин тоже гость! Ты ведь этого не знаешь.

– Пф! – пренебрежительно фыркнула Беата. – Этот сброд точно никто не приглашал, – тут она на мгновение смолкла. – Хотя как знать. Вернер ведь и впрямь женится на своей русской уборщице, так что теперь уже ничему не следует удивляться. Она, наверное, и пригласила этих птиц.

МЯВ!! Какая неслыханная наглость! Да как эта бессовестная женщина смеет так говорить о моей Анне?! Я зашипел, выпустил когти и прошелся лапой по штанам Беаты.

– Ой-ой! Совсем сдурел, злобная тварь?! – Беата отдернула ногу, подняла ее и обхватила обеими руками. Кажется, я сделал ей больно. Поделом!

Синьор Балотелли встрепенулся и перехватил инициативу в разговоре:

– Синьорина, *скузи*, извините, но я и правда гость на этой свадьба. И я со своими животными буду устроить большое замечательное представление! Вы могли слышать про нас в

радио и телевизоре: *диретторе Балотелли э сэи анимали* – директор Балотелли и его звери!

Беата все еще потирала поцарапанную ногу, Симона же дружелюбно улыбнулась в ответ:

– Представление! Как здорово! Я очень рада! Пойдемте со мной, я познакомлю вас с милейшими хозяевами этой усадьбы, семьей Шульце-Науманн.

Она протянула господину Балотелли руку в знак приветствия и собиралась уже проводить его к главному зданию усадьбы, как вдруг громкий и резкий звук, похожий на хлопок, словно пронзил воздух. Святые сардины в масле! Неужели это был выстрел?!

Все побежали, и я тоже – но, в отличие от остальных, не в ту сторону, откуда слышался хлопок, а в сарай, где мирно дремала Одетта с нашими пока нерожденными детками. Нужно было удостовериться, что с ней все в порядке, что она как спала, так и спит себе спокойно в соломе, вдали от всяких непонятных звуков.

Когда я, запыхавшись, подбежал к сараю, она уже выглядывала из-под крыши:

– Уинстон, ты тоже слышал хлопок?

Увидев ее целой и невредимой, я первым делом с огромным облегчением выдохнул и сумел лишь кивнуть в ответ.

– Ну и? Я имею в виду – откуда этот звук?

Я наконец немного отдышался и вновь обрел дар речи.

– Не знаю, – честно сознался я.

Одетта покачала головой:

– Тогда будь добр, постарайся выяснить. Звук показался мне каким-то опасным.

Одетта, разумеется, была права. Но прежде чем оставить свой пост и броситься догонять остальных, я должен был взять с нее одно обещание.

– Пожалуйста, Одетта, никуда не уходи отсюда, пока я не вернусь, хорошо?

Одетта тихонько застонала – впрочем, достаточно громко для того, чтобы я это услышал.

– Одетта?

– Да, я дождусь тебя здесь, обещаю! – уступила она наконец.

– Только это я и хотел услышать! – воскликнул я и побежал на разведку.

Вдали, у края большой лужайки, где, на удивление, не паслось ни одного из этих лохматых лошадиных четвероногих, набивающих желудок травой, я увидел Беату и Симону. Синьора Балотелли я поначалу не заметил. И неудивительно, понял я, добравшись до лужайки, – ведь он стоял в мягкой траве на коленях.

Перед ним сидели собаки, Пат и Паташон. Вид у этих двоих, казалось, был весьма испуганный.

– Что случилось, ребята? – спросил я у них. – Синьор Балотелли, похоже, чем-то сильно расстроен. Это из-за вас был шум?

– Не... не с... совсем, – тяжело дыша, еле выговорила Пат.

– Но... но в нас... в нас только что... только что стреляли, – выдавил Паташон.

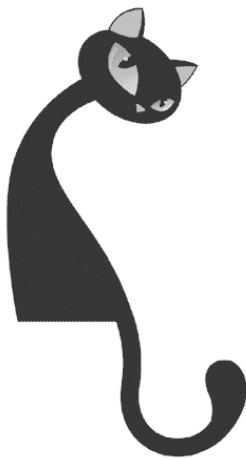
СТРЕЛЯЛИ?! Святые сардины в масле, уму непостижимо!

Неужели этот серый толстый кот – как там его звали... Понятия не имею, впрочем, это сейчас и не важно, – неужели он был прав? Он ведь действительно плел что-то про охотника на котов.

Проклятые шпроты, нужно поскорее вернуться к Одетте!

Загородная вечеринка таит в себе массу опасностей!

В стволе одного из деревьев у края лужайки красовалась дырка.

Вернер уверенно заявил, что ее оставила охотничья дробь, и Симона тут же принялась плаксиво молиться милосердному Господу на небесах.

– Не поздновато ли? Теперь-то он уж не поможет, – едко заметила Беата со свойственным ей неподражаемым обаянием. – К тому же пуля наверняка предназначалась не тебе, а

кому-то из этих вшивых тварей.

Синьор Балотелли стал возмущенно хватать ртом воздух:
– Вшивые твари... Попрошу! Это никакие не вшивые твари, а акробаты, артисты, звезды!

Беата уже открыла было рот, собираясь что-то сказать. Но Вернер ее опередил:

– Беата, пожалуйста, не затевай ссору, оставь в покое бедного синьора Балотелли. Он, разумеется, очень волнуется за своих собак, ведь в них кто-то стрелял.

Вообще-то я уже направлялся к Одетте, намереваясь убедить ее сей же час, сию же минуту пойти со мной в арендованные апартаменты. Оставаться снаружи однозначно слишком опасно, а, по моим представлениям, в сарае или на его чердаке – это все еще «снаружи».

Но тут, увидев наше сборище на лужайке, прибежал Вернер. Он сразу прислонился к дереву – видимо, почувствовал усталость, ведь один только вид Беаты обычно приводит его в полное изнеможение – и совершенно случайно наткнулся на дырку от пули.

Дырка эта вполне могла оказаться в Пат или в Паташоне, но стрелок меткостью не блистал – какое счастье!

Счастья, впрочем, в тот момент как-то не ощущалось. Из-за этого выстрела в дерево все как с ума посходили.

Беата громко и настойчиво предлагала поставить в известность полицию. Но Вернер был против – беспокоился, что с появлением множества людей в униформе от чудесной сва-

дебной атмосферы не останется и следа.

Я был всеми лапами за то, чтобы немедленно уехать. Мне не нравилась вонь, лошади меня бесили, да и к толстому Серому я тоже не испытывал ни малейшей симпатии. А теперь ко всему этому добавилась еще и стрельба – разве здесь место Одете и моим будущим детям. Нужно было срочно как-то объяснить Вернеру, что в Гамбурге свадьба будет не только в тысячу раз красивее, но и намного безопаснее.

Но, кажется, шансов на это оставалось все меньше. Симона наконец-то закончила молиться и с просветленным лицом посвятила нас в детали своей беседы с тем, кто наверху.

– Уповайте на меня, и ничего с вами не случится – вот что посоветовал мне Господь, – заявила она на полном серьезе.

Беата рассмеялась, а Вернер молча покачал головой.

– *Полиция*, нужно извещать *полиция*, – высказал свое мнение синьор Балотелли.

Тут примчалась и Анна. Ее лицо горело и переливалось всеми оттенками красного.

– Вернер, что случилось?! Почему вы все тут стоите?

– Кто-то хотел перестрелять псов! – снова ответила Беата, хотя вопрос был адресован не ей.

Анна широко распахнула глаза:

– ЧТО?!

– Солнышко, ты только не волнуйся. Наверняка это вышло как-то нечаянно, – попытался успокоить невесту Вернер.

Но Анна, разумеется, не успокоилась:

– Нечаянно?! Разве можно *нечаянно* взять ружье и пойти стрелять?!

Вернер нежно приобнял Анну за хрупкие плечи:

– Мы же в деревне, ласточка моя. Тут есть охотники, они иногда загоняют дичь. Может, это был просто какой-то случайный рикошет.

Анна покачала головой:

– Скажи, пожалуйста, ты меня дурочкой хочешь выставить?

Ее левое веко подергивалось. Плохой знак. Вернер тоже об этом знает.

– Разумеется, нет. Никогда не позволил бы себе ничего подобного. Но ты правда хочешь, чтобы я позвонил в полицию? Скоро приедут остальные гости. Представляешь, какая дикая начнется суета, если сразу на въезде их будет встречать полицейский автомобиль?

Анна тяжело вздохнула.

– Мама ужасно расстроится, если свадьба сорвется или пойдет не по плану. Боюсь, у нее даже инфаркт может случиться, – задумчиво пробормотала она.

Вернер нежно ее подтолкнул и спросил с легким упреком:

– Ты, надеюсь, тоже расстроишься, ведь правда?

Святые сардины в масле! Да они и не думают ничего сворачивать. Собираются провернуть эту операцию с деревенской свадьбой как ни в чем не бывало! Теперь мне стало это

окончательно ясно. Так что нечего тут слоняться и питать пустые надежды, лучше позаботиться о том, чтобы какой-нибудь из этих *рикошетчиков* случайно не попал в Одетту, решил я.

Синьор Балотелли, очевидно, пришел к такому же выводу. Он забрал Пат и Паташона и зашагал с ними прочь.

– Но вы же не уезжаете, синьор Балотелли? – спросил Вернер, во взгляде которого была заметна легкая паника. – То есть я хочу сказать, ваше выступление состоится как запланировано?

Синьор Балотелли кивнул, не поворачиваясь при этом к Вернеру и остальным:

– *Си, си...* на Балотелли можно полагаться. Но сейчас я буду отводить собак в безопасное место и хорошенько с ними беседовать... У них травма и шок...

Я помчался обратно к сараю. Наше пребывание там утратило всякий смысл, и пора было положить ему конец. Однако взобравшись по узкой лесенке, я обнаружил пустой чердак. Меня пронзил ужас:

– Одетта! Любимая! Ты где?!

Я метался под крышей сарая, заглядывая в каждую щелку, и с каждой секундой нервничал все больше.

– Одееттааа?!

– Ну и чего ты так размяукался? – вдруг раздался откуда-то снизу голос Одетты, в котором слышались нотки легкой досады. – Ты же мне этим шумом всех мышей распуга-

ешь.

Мышей?! Шумом?! Одетта!

Я чуть ли не кувырком слетел вниз по лестнице. Одетта стояла на полу сарая и смотрела на меня, укоризненно качая головой.

– Ты что, пыталась тут ловить мышей?!

Я просто поверить не мог, что она в своем нынешнем состоянии и правда решила поохотиться.

– Ох, сколько упрека в твоём голосе! Я проголодалась, и да, тут полным-полно вкусных штучек на четырёх лапках. То есть было полным-полно, пока ты не подал им сигнал тревоги и они не бросились врассыпную.

Мне потребовалось сделать несколько глубоких вдохов и выдохов, чтобы успокоить дыхание. Независимость Одетты, её смелость и темперамент – о да, все это я в ней и люблю, как и редкую красоту. Но вот её жажду приключений мне в тот момент страшно хотелось приглушить.

Пытаясь растопить её сердце, я умоляюще взглянул на неё и промяукал:

– Одетта, любимая, в Пат с Паташоном стреляли. Правда, Вернер, полагает, что это произошло нечаянно, но у меня на этот счет другое мнение. Поэтому очень тебя прошу, давай пойдём в дом – в комнату Киры. Там ты с малышами будешь в безопасности. Пожалуйста, сделай мне одолжение, потому что иначе я сойду с ума от беспокойства, а ты ведь этого не хочешь, правда?

– Нет, Уинстон, не хочу, – мяукнула Одетта в ответ и действительно пошла со мной.

Я даже растерялся от неожиданности, потому что готовился встретить гораздо больше сопротивления. Одетта ведь превыше всего ценит свою свободу, в том числе и возможность гулять самой по себе и быть там, где ей хочется.

На беду, Кира словно сквозь землю провалилась. Наверное, ее все еще не отпустила лошадиная лихорадка. К счастью, меня отличают большая внимательность и прекрасный слух, так что я знал, в каком номере поселилась Кира – успел уловить краем уха. Достать ключ было несложно. Но когда, пробежав по длинному узкому коридору и миновав множество комнат, мы наконец добрались до нужной, выяснилось, что ключ и не нужен. Дверь в Кирину комнату была лишь слегка притворена. Как это похоже на Киру, пронеслось у меня в голове. Снова в спешке забыла закрыть дверь. Мы с Одеттой вошли внутрь и, осмотревшись, оба решили, что помещение очень уютное.

– И безопасное, – добавил я.

– Да, и безопасное, Уинстон. Хотя мне нравилось и на чердаке. Но останься мы там, ты превратился бы в комок нервов, а это могло отразиться на малышах.

Я обустроил для Одетты что-то вроде гнезда. Вышло просто превосходно, мечта любой кошки.

– Взгляни, милая, отсюда можно смотреть в окно и обзор открывается прекрасный.

Одетта довольно мяукнула и устало опустилась на ложе, утонув в мягких одеялах и подушках, которые я собрал в кучу.

– Очень уютно, Уинстон, очень...

Но тут ее прекрасную мордочку исказила гримаса боли. Я мгновенно подскочил к ней:

– Где болит?! Чем помочь?! Начинается?! Позвать Киру?! Вернера?! Анну?! Ветеринара?

Одетта рассмеялась – причем надо мной:

– Уинстон, ты так разволновался. Но не беспокойся. Все хорошо... вот только... только...

– Что «только»?!

Она подарила мне нежную кошачью улыбку:

– Думаю, ты очень вовремя подыскал для меня это местечко, любимый.

Святые сардины в масле, началось, и правда началось! Нужно сбегать за Кирой! Немедленно!

**Тяжело в учении –
легко в бою. Надеюсь!**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.